УДК 339.982

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ГЛОБАЛИСТСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА (ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ США)

Евгений Викторович Горгола,
доктор экономических наук,
член-корреспондент РАЕН,
профессор кафедры
экономики и социального управления
Российский государственный социальный университет
(филиал РГСУ в г. Ивантеевка),
Ивантеевка, Российская Федерация
evg-gorgola@ya.ru

Предмет/тема. *Чрезвычайное обострение современной политической обстановки, фактически поставившее мир на грань катастрофы, вызвано стремлением США сохранить свое лидирующее геополитическое положение любой ценой, но за счет других стран. В этой связи задача обеспечения национальной безопасности России настоятельно требует не только уточнения всей конфигурации рисков и угроз экономического, военно-экономического, военно-политического и военного характера, но и подробного анализа механизмов их возникновения, в частности со стороны США.*

Методология. *В статье на основе методического аппарата современного институционализма исследованы сущность, основные черты и особенности общества постмодерна, формирующегося в США. Раскрыты источники их столь значительного технологического и социально-экономического опережения других стран, проанализированы движущие силы и механизм формирования корпорократического государства, генерирующего агрессивную глобалистскую экономическую и политическую стратегию, а также последствия ее реализации.*

Результаты. *С помощью методов институционального анализа подтверждена гипотеза о завершении формирования в наиболее экономически развитой стране мира, достигшей постмодернистской (государственно-монополистической) стадии развития общества – в США – корпорократического государства. Показано, что оно представляет собой симбиоз экономической, в первую очередь финансовой, власти крупнейших монополий и наднациональных элит, а также политической власти чиновничьего госаппарата, поддерживаемой послушной армией СМИ и управляемым ими же общественным сознанием, подчиненным глобалистским интересам правящих кругов США.*

Выводы. *Дальнейшее усиление корпорократического государства в США во внутренней политике ведет ко все большей профанации демократических устоев и их фактической подмене тоталитаристскими институтами, а во внешней политике – к возвращению мирового господства путем реализации агрессивных, глобалистских концепций.*

Ключевые слова: *институционализм, общество постмодерна, корпорократическое государство, новый технологический уклад, глобальное лидерство*

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях

настоятельно требует не только уточнения всей конфигурации рисков и угроз экономического, военно-экономического, военно-политического и военного характера, но и подробного анализа механизмов их возникновения. Поскольку основные из них являются следствием осуществления агрессивных стратегий ведущими, наиболее развитыми странами Запада, автор считает полезным выявить глубинные причины и мотивы появления этих стратегий, движущие силы их реализации, а также истинные цели.

В качестве методологической базы такого анализа наиболее целесообразно изучить концепции институционализма, позволяющего исследовать современные экономические и социальные процессы, выяснить тенденции и закономерности развития общества постмодерна в США, генерирующего основные глобальные угрозы современности. Такой подход позволяет успешно применять самый широкий спектр знаний гуманитарных и естественных наук в исследовании общественных и экономических явлений, при этом неоинституционализм во многих случаях гораздо ближе к реальности, чем неоклассическая теория. Следует отметить, что представители «старой» институциональной теории (Т.Б. Веблен, Дж.Р. Коммонс, У.К. Митчел, Дж.К. Гэлбрейт и др.) отрицательно относились к попыткам ее использования для анализа экономической политики. Именно поэтому инструментарий и идеи «новой» школы (Р.Г. Коуз, Д.С. Норт, О.И. Уильямсон, Р. Познер, Дж. Бьюкенен и др.) с учетом опыта применения институционального анализа российскими экономистами (В. Автономовым, А. Аузаном, В. Радаевым, В. Полтерович, В. Тамбовцевым, В. Крюковым, О. Сухаревым и др.), на взгляд автора, наиболее применимы для исследования постмодернистской (государственно-монополистической?) стадии развития капитализма в США.

Определим исходные базовые положения институционального анализа, которые, как полагает автор, необходимы для подобного исследования.

1. Новые институции (традиции, нормы, правила), как и институты (учреждения, организации, ассоциации), создаются уже существующими институтами. При этом поколения людей, их создавших, сменяются, а институты не умирают – они трансформируются в социально-исторической среде общества, продолжают играть важнейшую роль в обучении и воспитании новых поколений. Иными словами, в институциональном анализе следует учитывать кумулятивный эффект в развитии институтов, т.е. значение проблемы институциональной регрессии.

2. Регрессионные эффекты охватывают связи между институтами и решениями агентов, а на практике любая регрессия в социуме разрешается посредством реализации властных полномочий. Отсюда – проблемы распределения власти, ресурсов и доходов в экономике. Именно это в результате формирует основное направление социально-экономического развития, качество которого зависит от того, как и чем разрешаются регрессивные эффекты.

3. Классическая экономическая теория предлагает множество моделей экономического роста, основанных на анализе количественных экономических параметров, исходя из поведения стандартной производственной функции. При этом в таком анализе отсутствуют важнейшие формальные и неформальные нормы, без которых объяснить все разнообразие социальных отношений, правил производственной деятельности, деловой конкуренции невозможно. Иными словами, производственная функция должна обязательно включать, учитывать явные и неявные транзакционные и трансформационные издержки (о необходимости качественного анализа указывали Г. Мюрдаль, Т. Шульц, А. Сен).

4. Абсолютное господство институциональных идей в США после Первой мировой войны и достаточно сильное их влияния после Второй мировой войны сменилось в середине прошлого века противостоянием с либеральной идеологией. Хотя представители институционализма никогда не были против свободы предпринимательства, они всегда пытались объективно охарактеризовать роль государства, дать оценку этому институту, понять его природу, определить его границы.

5. Допущение новой институциональной теорией наряду с поведением экономических агентов ограниченной рациональности, обусловленным доступностью информации и таких типов поведения, как органическая рациональность и оппортунистическое поведение, есть крайняя форма ориентации на собственные интересы. По словам О. Уильямсона, *«…следовавшие своим интересам, в том числе, обманным путем, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими. Намного чаще оппортунизм подразумевает более тонкие формы обмана, которые могут принимать активную и пассивную форму, проявляться ex ante и ex post»* [21].

6. В упомянутом новом институциональном анализе институты – это правила игры, а организации – не сложные институциональные системы, а игроки, вовлеченные в определенный процесс с заданными ограничениями. Именно поэтому конкурентоспособность организации всегда связана с инвестированием в те знания, которые обеспечивают успех в будущем, т.е. в приближение к новому технологическому укладу, а в условиях интенсификации технико-экономического развития, обоснованного еще Й. Шумпетером, все большее автономное значение и влияние приобретают политические структуры и правовая инфраструктура.

Таким образом, главным источником институциональных изменений является политико-правовая система, позволяющая проводить преднамеренные трансформации, которые рассматриваются институционалистами (Д. Норт) как «результат спроса предпринимателей в контексте воспринимаемых издержек перестройки институциональной структуры, приносящей неодинаковую отдачу» [13]. При этом, однако, различные экономические и политические организации также стремятся сохранить свои позиции в институциональной матрице и стараются внести свой вклад в институциональные изменения.

Именно поэтому неэффективная экономическая политика способна подорвать текущую институциональную структуру, сузить потенциальные возможности изменений, если не будут учитываться историко-культурные и социально-экономические тренды развития государства. При этом правительственное управление институциональными изменениями возможно только посредством воздействия на формальные нормы, поскольку они изменяются гораздо быстрее, нежели неформальные правила экономической жизни. Отсюда вывод – эффективность политического рынка будет измеряться не экономией на транзакционных издержках, а степенью соответствия политических программ задаче обеспечения максимальных доходов главных экономических агентов, участников обмена и избирательного процесса. Иными словами, требуется достичь такого уровня издержек, который позволил бы поддерживать и наращивать с определенными темпами уровень общественного благосостояния, и в первую очередь – доходы основных субъектов рынка.

Несмотря на то, что теория общества постмодерна фактически еще находится в стадии разработки, в современной англоязычной научной литературе уже достаточно давно используется категория *political economy of post-modern* [27]. Согласно идеям К. Поланьи, наступает некая новая стадия развития общества [16] (термины «общество третьей волны», «технотронное общество», «новое индустриальное общество» «информационное общество» фактически не прижились). В ней высочайшего уровня достигает производительность труда и, соответственно, уровень благосостояния большинства населения, происходит кардинальное изменение соотношения экономического и социального начал в самой структуре общества, трансформируется общественное сознание под воздействием потоков информационных ресурсов, а вслед за этим меняются морально-нравственные основы. В целом соглашаясь с данной концепцией, попытаемся применить институциональный инструментарий для политэкономического анализа складывающейся в США экономической и политической системы, выяснить источники и движущие силы воинствующего глобализма в этой действительно великой стране.

Какие же изменения происходят в американской экономике в период перехода общества к постмодернистской стадии?

Во-первых, изменяется роль, значение и место экономики как для индивида, так и для общества в целом. На протяжении практически всей истории человечества все силы общества были отданы выживанию, теперь же эффективность экономики такова, что прилагается все меньше усилий для получения все большего количества благ и услуг. Так, в США средняя производительность труда составила в 2013 г. 107,6 тыс. долл. на одного работника, занятого в экономике[1]. В странах ЕС эта величина составила по ППС 69,3 тыс. долл., по валютному курсу – 74,5 тыс. долл. Для сравнения: в Российской Федерации средняя производительность труда в 2013 г. по ППС составила 33,9 тыс. долл., по валютному курсу – 28,1 тыс. долл. Таким образом, она ниже американской по ППС в 3,2 раза, а по валютному курсу – в 3,8 раза; ниже средней производительности в странах ЕС в 2 и 2,7 раза соответственно [6].

Кроме того, по данным разработчиков национальной программы повышения производительности труда и роста ВВП, с 2000 г. рост производительности труда в США в 3,3 раза опережает рост заработной платы. Этому, безусловно, способствует все более широкое использование комплексно автоматизированных цехов и целых предприятий,

[1] Расчеты по ВВП, рабочей силе, паритету покупательной способности (ППС) и по курсу доллара совпадают.

где все основные и вспомогательные операции, а также контроль за технологическими процессами выполняют роботокомплексы, АСУ и другие технические средства. В итоге выработка возрастает в 2-3 и более раз [1]. В 2014 г. в США действовали или готовились к пуску более 15 тыс. полностью автоматизированных производств. Уже в настоящее время в Соединенных Штатах на 10 000 рабочих мест в производстве приходится более 1 000 комплексно автоматизированных рабочих мест, в то время как в Японии – менее 500, в Южной Корее – почти 400, в Китае – около 150. Не менее впечатляющая статистика имеется и по так называемым человекоподобным индустриальным роботам всех типов [9]. По мнению исследователей, в передовых странах разработка и внедрение технологических инноваций – решающий фактор социального и экономического развития, залог экономической безопасности. Так, в США прирост душевого национального дохода за счет этого фактора составляет до 90% [5].

Во-вторых, именно на той стадии, когда уровень развития производства позволяет удовлетворять основные потребности всего населения, трансформируются основные принципы, присущие классическому представлению об экономике вообще. В современном обществе нарушен основной принцип традиционной экономики – эквивалентности затрат и результатов, поскольку меньшие затраты ведут к большим результатам (наиболее наглядно это проявляется в инновационной сфере).

Например, важным направлением совершенствования технологий является ресурсосбережение, которое позволяет использовать наиболее экономичные виды металлопродукции, синтетическое и другое инновационное сырье, в результате чего улучшаются технико-экономические и повышаются прочностные характеристики конструкционных материалов. Более полное использование сырьевых ресурсов позволяет создавать малоотходное и безотходное производства. Так, 1 кг конструкционных пластмасс заменяет не менее 4–5 кг металлопроката, поскольку на производство 1 кг пластмасс требуется в 2–3 раза меньше энергетических затрат, а изготовление деталей из металлических порошков экономит на каждую их тонну 2 т проката, при этом высвобождаются 60 металлообрабатывающих станков [1].

Другой пример: применение композиционных материалов в авиастроении обеспечивает снижение массы летательных аппаратов на 25–50%, резкое (в разы) сокращение количества деталей, снижение трудоемкости производства более чем на 30%. Кроме того, в два раза повышается коэффициент использования материалов, в три раза повышается экономия металлов и энергоресурсов на 1 кг веса воздушного судна. Значительно повышаются эксплуатационная надежность, стойкость к коррозии и аэродинамические качества изделия [17]. Более того, если для традиционной технологии характерно загрязнение окружающей среды, то «высокие» технологии, как правило, являются экологически чистыми. В них применяются закрытые системы водопотребления, замкнутые циклы производства, широко используются вторичное сырье и производственные отходы. Это обеспечивает рост экономической и социальной эффективности хозяйственной деятельности.

В-третьих, экономика развитых стран по своей внутренней структуре уже не может называться индустриальной – возрастает количество занятых в сфере услуг, а также в области образования, науки, культуры, маркетинга, туризма и т.д.. В развитых странах рабочая неделя имеет тенденцию к сокращению до четырех дней. Например, в США при ежегодном росте их гигантского ВВП на 2–3 % рабочая неделя составляет 33 ч, а в странах Скандинавии – 31–35 ч. Лидером по наименьшей средней продолжительности рабочей недели являются Нидерланды (27 ч). Профсоюзы Германии в 2013 г. также предложили перейти на 30-часовую рабочую неделю, а мексиканский мультимиллиардер К. Слим и вовсе высказался за введение 3-дневной рабочей недели, но с одновременным повышением пенсионного возраста до 70–75 лет. В Великобритании недавно опубликованы научные исследования на данную тему в области медицины: британский ученый проф. Дж. Эштон пришел к выводу, что для максимального сохранения здоровья человеку необходимо работать не более четырех дней в неделю, т.е. 32 ч. По его мнению, такой рабочий график значительно понизит уровень стресса среди населения, а также будет способствовать улучшению семейных отношений [3].

Это означает, что все меньшее количество производительного живого труда требуется для обеспечения существования все большей части населения, не связанной с экономикой. Кстати, в обрабатывающей промышленности США в 2008 г. было занято 13,68 млн чел., а в сфере услуг — 116,16 млн чел. В марте 2014 г. в обрабатывающей промышленности осталось 12,1 млн чел., что в 1,8 раза меньше, чем в сфере образования и здравоохранения [26].

В-четвертых, коренным образом меняется соотношение производства и потребления: общество из производящего превращается в потребительское. При этом первоочередные потребности населения – в питании, жилье, медицинском обслуживании, в труде – удовлетворяются достаточно полно, зато все большее значение приобретают другие потребности, бывшие ранее вторичными. При этом сами потребности формируются и регулируются с помощью рекламы, СМИ и других средств воздействия на массовое сознание.

В-пятых, если ранее производительное общество требовало расширенного воспроизводства, высоких темпов развития, высокого уровня инвестиций, то в обществе постмодерна темпы экономического роста становятся более умеренными, все большая часть прибыли не реинвестируется, а направляется в заработную плату, в налоги и, соответственно, в развитие социальной сферы. В производительном обществе основными категориями являются труд, затраты труда, стоимость, прибавочная стоимость, прибыль, а в обществе потребления они уступают место категориям полезности, потребительной стоимости, управлению потребительским поведением. Таким образом, доля затрат на само производство товара гораздо меньше, чем доля затрат на его рекламу, научно-технологическую подготовку его производства, продвижение торговой марки. Примечательно, что во многих случаях основным объектом для потребителя является уже не сам товар как таковой, а его бренд, т.е., по сути, этикетка. В оценке эффективности производства все большую роль начинают играть нестоимостные категории: например, теперь уже ни одно предприятие не может не учитывать требований социальной и экологической эффективности.

Модифицированные принципы взаимоотношения экономики и общества в эпоху постмодерна особенно характерно проявляются во взаимодействии экономики и политики. Начиная с 1920-х гг. политика все больше вторгается в сферу экономики и подчиняет ее целям общества, которое не удовлетворено системой саморегулируемого рынка. Дело в том, что рынок не в состоянии обеспечить равновесного состояния хозяйства, не гарантирует полной и эффективной занятости, стабильного развития и необходимой обществу социальной справедливости. Именно поэтому государство берет под контроль финансовую сферу, отказываясь от принципов золотостандартного регулирования и вводя институт центрального банка, а затем и само становится крупным, самостоятельным агентом экономических отношений, прибегая к регулированию экономического роста с помощью ставки процента и других методов (как экономического, так и административного характера). В последнее время мы видим, что не только национальные государства воздействуют на свое экономическое развитие – активно функционируют наднациональные союзы, такие как НАТО, Европейский союз, способные обеспечить дальнейшее подчинение экономики одних стран экономическим и политическим целям других, в том числе для достижения военно-политических целей.

Кроме того, в экономике наиболее развитых стран проявляются весьма важные тенденции: например, первичные факторы производства – труд и капитал – стремятся выйти из системы чисто экономического рыночного регулирования. Бизнес организуется в крупные корпорации и международные монополии, которые сами способны регулировать экономические процессы в целых регионах. Функционирование таких крупных корпораций строится по совершенно иным экономическим законам: сами эти корпорации стремятся подчинить своим целям государство. Труд, как и капитал, также организуется в крупные монополии – профессиональные союзы, которым под силу весьма решительные действия (например, в 1997 г. объединенные профсоюзы автомобильных рабочих в США заставили считаться с собой такого гиганта, как General Motors, а в 2004–2005 гг. не состоялся сезон в НХЛ из-за отсутствия договоренности профсоюза игроков лиги с ее руководством). С помощью системы коллективных договоров рабочая сила как товар выводится из сферы нерегулируемого рынка и свободной конкуренции, что приводит к тому явлению, которое Дж. Кейнс называл «негибкостью» заработной платы, которая не может меняться вместе с динамикой рыночного цикла [4]. Таким образом, и труд, и капитал становятся практически не подвластными объективным рыночным законам, все больше подчиняясь политическим силам общества.

Раскрыв основные особенности и наиболее общие черты общества постмодерна, которое складывается и развивается пока только в одной стране мира – в США, попытаемся проанализировать экономические и политические механизмы данной общественной системы. При этом необходимо понимать, что сложившийся гандикап США по отношению к остальному миру – это далеко не признак исключительности данной нации (о чем без устали твердит американский президент), а результат

весьма хитроумной политики североамериканских штатов в годы Первой и Второй мировых войн. Последние, как свидетельствует история, были развязаны не без коммерческого интереса американских компаний, и в них фактически единственным экономическим победителем оказались США, не только не допустив ведения боевых действий на своей материковой территории, но и финансируя до последнего дня войны обе противоборствующие стороны. Именно поэтому большинство стран мира не только не приблизилось к состоянию постмодерна, но находится еще в стадии традиционного общества или на этапе перехода от традиционного к обществу модерна (80% населения планеты проживает в развивающихся странах).

1. Институциональный анализ достаточно убедительно объясняет, что результатом сознательного сохранения руководством США всего аппарата идеологического противоборства времен «холодной войны» стало нарастание не только количества этих институтов (в соответствии с кумулятивным эффектом), но и масштабов их работы. Это ведение полномасштабной информационной войны уже против правопреемника СССР – Российской Федерации, наращивание антироссийской истерии и пропаганды как в американском обществе, так и во всем мире. И дело здесь не только в живучести сложившихся стереотипов и институтов, а главным образом – в обострении проблем ресурсообеспечения. Некоторые исследователи упорно отстаивают позицию, отрицающую само наличие проблемы редкости ресурсов в условиях экономики постмодерна, и конкурентности экономики страны на мировом рынке (значительно пошатнувшийся экономический и финансовый авторитет США в результате последних кризисов тому подтверждение). Кроме того, сформировавшийся после распада СССР стереотип единственной сверхдержавы не дает возможности руководству США объективно оценивать произошедшие изменения в мире, в частности в еще совсем недавно таких слабых бывших социалистических странах. Многополярность, идущая на смену однополярному мироустройству, воспринимается как «угроза демократии» во всем мире, хотя на самом деле сами США уже давно стали мировым тираном. Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Украина – вот неполный перечень жертв прямого вмешательства США в дела суверенных государств за последние 15 лет.

С точки зрения институциональной регрессии, экономическая эффективность идентифицируется на практике с коммерческим успехом, т.е. с победой в конкурентной борьбе. Это значит, что крупнейшие корпорации – лидеры экономики, независимо от того, какими способами и методами[22] они этого добились, совершенно искренне предполагают распределение и перераспределение национального богатства, а значит, и власти в стране в свою пользу. Таким образом, государство постмодерна выступает фактически самостоятельным экономическим агентом, специальным институтом, отстаивающим интересы бизнес-верхушки общества как внутри страны, так и за рубежом, а пресловутая «американская демократия» давно переродилась в особую форму «диктатуры доллара».

2. Под устойчивостью экономического развития социальной системы теория институционализма понимает устойчивость к мутации институтов, обеспечивающих низкие транзакционные издержки, и неустойчивость к мутации, когда эти издержки растут. Это значит, что система должна иметь внутренние стабилизаторы, позволяющие относительно быстро преодолевать неэффективное состояние. При этом управляющие органы такой системы должны использовать верные критерии оценки эффективности и развития в целом.

Однако в обществе, где критерием общественного успеха выступает конкурентоспособность любой ценой, шкала морально-нравственных ценностей резко отходит не только от христианских заповедей и гуманистических идеалов, но порой и от здравого смысла. Прикрывается это все усиленной пропагандой такой универсальной и удобной идеи, как толерантность, которая объявляется чуть ли не сердцевиной современного понимания демократии. Отсюда – навязываемые всему миру жестокие бизнес-идеалы, а также, по сути, чуждые христианству идеи (например, легализация однополых браков, поощрение тоталитарных сект, поддержка террористических организаций, выступающих за насильственное свержение законных органов власти и режимов, не угодных Вашингтону) и, конечно же, объявление антидемократичными тираниями стран, не желающих признавать эту идеологию.

Именно поэтому для сегодняшних американских республиканцев, отвоевавших парламентское

[2] Известно, например, что Дж. Рокфеллер вплоть до апреля 1945 г. зарабатывал на поставках топлива в нацистскую Германию, а Г. Форд-старший – на экспорте туда же автомобильной техники (оба магната сегодня – «иконы бизнеса» в США). Наш современник, знаменитый биржевой спекулянт и мошенник Дж. Сорос почитается как великий финансист и выдающийся эксперт – образец эффективности и благотворительности.

большинство, низкая эффективность политики действующего президента США ассоциируется в первую очередь с недостаточно жесткой позицией по отношению к России, отказом от оказания прямой военной помощи украинскому руководству в борьбе с собственным народом за осуществление конкретных коммерческих целей американского бизнеса. В вину президенту ставятся недостаточные усилия по разрушению российско-западноевропейского сотрудничества, ослаблению и экономическому подчинению ЕС, устранению на европейском рынке главного конкурента США – Российской Федерации, нанесению максимального экономического ущерба ее экономике. Республиканцы видят решение важнейшей национальной макроэкономической проблемы – гигантского государственного долга – в поддержании гражданской войны на Украине, максимально длительных поставках туда вооружения и боевой техники, втягивании в конфликт европейских стран – членов НАТО при минимальном непосредственном участии ВС США.

В то же время недостаточная макроэкономическая и социальная результативность политики администрации Б. Обамы, по сути, не является главным критерием ее оценки.

3. Уже отмечалось, что государство постмодерна, как специфический институт, представляет собой вотчину крупных и крупнейших корпораций, действующую в их интересах как самостоятельный агент экономических отношений, участвующий в игре наряду с другими субъектами, но обладающий, безусловно, подавляющим влиянием. По определению Э.С. Райнерта, такая форма государственного устройства, при котором высшая власть принадлежит корпорациям и осуществляется непосредственно ими либо выборными или назначенными представителями, действующими от их имени, называется *корпократией* (или корпорократией) [18]. В своей книге «Исповедь экономического убийцы» Дж. Перкинс пишет: *«Корпократия — это люди, мужчины и женщины, которым принадлежат крупнейшие корпорации. Они контролируют правительство США через институты и большую часть правительств мира. Они контролируют напрямую СМИ, владея ими. Этими людьми движет единственная идея – извлечение максимальной прибыли»* [15].

В начале 1970-х гг. влиятельнейшей финансово-энергетической группой американской элиты – кланом Рокфеллеров была организована знаменитая в свое время Трехсторонняя комиссия. Главной целью этой комиссии была координация усилий американской, европейской и японской элит в деле построения нового мирового порядка и противодействия СССР. В своих мемуарах Д. Рокфеллер писал: *«Некоторые даже верят в то, что мы (семья Рокфеллеров) являемся частью секретной политической группы, работающей против жизненных интересов Соединенных Штатов, и характеризуют мою семью и меня как «интернационалистов», вступивших в сговор с другими группами по всему миру для построения более интегрированной глобальной политической и экономической структуры – единого мира, если угодно. Если обвинение заключается в этом, то я признаю себя виновным, и я этим горжусь»* [19]. Собственно, Трехсторонняя комиссия и стала одним из инструментов формирования тех наднациональных элитных сетей, которые вместе с государствами являются основными акторами сегодняшней мировой политики и экономики.

Симбиоз американских корпораций, национальных правительств и международных банков приводит к тому, что на международной арене появляется некий сверхмощный агрегированный экономический агент, конкуренция с которым оказывается просто невозможной. В этом случае все естественные законы формирования спроса, предложения и цены подавляются, а все запланированные корпорократией потоки ресурсов, капитала, труда и информации становятся безальтернативными. Безусловно, такое систематическое навязывание мировой экономике заранее заданного алгоритма действий рано или поздно должно привести к снижению эффективности всей мировой экономики. Можно также добавить, что корпорократия представляет собой способ консервации сложившейся иерархической структуры мировой экономики. При этом отсутствие позитивных перестановок в мировой иерархии опять-таки рано или поздно приведет к снижению эффективности мировой хозяйственной системы.

Здесь уместно вспомнить работы В.И. Ленина, посвященные монополистическому капитализму. Надо сказать, что сегодня его идеи кажутся весьма актуальными, а сам Ленин – дальновидным политиком и экономистом, ведь нынешняя корпорократия – это, по сути, очередной виток в развитии империалистического капитализма на его государственно-монополистической стадии [10].

Еще одной важной стороной деятельности глобальной институционализации является связь «институт – культура». Дело в том, что одним из результатов деятельности корпорократии является

разрушение традиционных культур развивающихся стран. Это, в частности, уничтожение коренных племен Эквадора, превращение Саудовской Аравии в прозападное государство, попытка создать оазисы в пустыне Ирана, «запуск» гражданской войны в Ираке, нарушение традиционных устоев жизни в Афганистане с последующей «наркотизацией» страны и т.п.

4. Будучи самостоятельным агентом экономических отношений, корпокративное государство постмодерна, преследуя собственные интересы, избирает явно оппортунистическое поведение, основанное на достижении своих целей любой ценой, не считаясь ни с общепринятой моралью, ни с нравственными идеалами гуманизма.

Между национальными интересами государства США и интересами наднациональных элит имеются серьезные различия. В американском политическом истеблишменте интересы большого бизнеса, стремящегося к глобальному господству, наиболее полно представлены так называемым кланом Клинтонитов. Он помимо собственно семьи Клинтонов включает в себя обширную и разветвленную группу политиков, администраторов, военных, финансистов и т.п., чье выдвижение опять же прямо или косвенно связано все с той же Трехсторонней комиссией.

Следует отметить, что именно в этой комиссии была разработана концепция «мягкой силы», впервые представленная в 1990 г. в книге Дж. Ная «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы» (Bound to Lead: The Changing Nature of American Power). Ее автор (один из представителей упомянутого клана) разделяет мощь государства на две составляющие: так называемую «жесткую силу» (*hard power*) и «мягкую силу» *(soft power*). Под «жесткой силой» подразумевается совокупная политическая, экономическая и финансовая мощь, а «мягкая сила» в основном характеризуется культурой, духовными ценностями и политической идеологией. В книге «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике», вышедшей в свет в 2004 г., понимание «мягкой силы» раскрывается следующим образом: *«Если Наполеон, распространявший идеи Французской революции, был обязан полагаться на штыки, то ныне, в случае с Америкой, жители Мюнхена, равно как и москвичи, сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса»*. И далее автор подчеркивает: *«Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны»* [12]. На постах директора национальной разведки и заместителя министра обороны Дж. Най пытался на практике реализовывать свою концепцию, однако, по оценке подавляющего большинства политиков, практиков, а также представителей военной и разведывательной элиты, не слишком преуспел в замене «жесткой силы» на «мягкую».

Главные аргументы критиков Ная сводились к следующему. Методы «мягкой силы» включают в себя в первую очередь культурную политику, активные мероприятия по продвижению ценностей и идеалов «свободного мира», т.е. буржуазной идеологии постмодерна. Однако, как показала вся предыдущая история и подтвердили годы, когда Дж. Най пытался на практике реализовать свою концепцию, применяя «мягкую силу», никогда нельзя планировать временные рамки достижения результата. Кроме того, практически затруднен объективный анализ – произошли ли перемены в результате осуществления политики «мягкой силы» либо под воздействием других факторов.

Тем не менее Дж. Най сделал чрезвычайно важный и принципиальный вывод о природе «мягкой силы». Он определил ее как способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или выплат. Именно поэтому, *во-первых*, управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии. Бывший госсекретарь США Х. Клинтон уточнила это следующим образом: *«Америка должна научиться делать то, что другие хотят, но не могут. И делать это коллективно»* [22]. Таким образом, впервые в американской внешнеполитической практике глобалистские интересы и глобалистский образ действия вышли на первый план по сравнению с национальными интересами Америки. *Во-вторых*, «умная власть» и «мягкая сила» предусматривают использование всего арсенала инструментов, имеющихся в распоряжении Америки и ее союзников, обслуживающих интересы наднациональной мировой элиты. Соответственно, эти инструменты могут и должны использоваться не только поодиночке, но и совместно, подкрепляя друг друга. *В-третьих*, на смену пирамиде с жесткой иерархической струк-

турой приходит «паутина разновеликих, разнокачественных и разнообразных действующих лиц, находящихся во взаимодействии» [22]. При этом становится понятным, что «в число таких акторов могут включаться не только различные государства, или их образования, но и общественные движения, политические группы, активистские группы внутри стран, на которые направлены действия» [22]. С учетом отмеченных обстоятельств, провозглашенная Х. Клинтон стратегия являлась принципиально новой, поскольку фактически представляла собой механизм использования не только ресурсов США и других стран, но также местной «пятой колонны» в интересах наднациональной элиты.

Механизмом претворения в жизнь политики «мягкой», а затем и ее разновидности – «умной» силы стали концепция и инструментарий так называемого «управляемого хаоса», разработанные С. Манном, который, собственно, и не скрывал, что его концепция «управляемого хаоса» есть механизм практической реализации идей Дж. Ная. В одной из своих работ он прямо писал: *«Конфликтная энергия заложена в основы человеческих свойств с того момента, когда индивидуум стал базовым блоком глобальных структур. Конфликтная энергия отражает цели, ощущения и ценности индивидуального актора – в сумме, идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта людей уменьшит или направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности, поэтому нам нужно изменить программное обеспечение. Как показывают хакеры, наиболее агрессивный метод подмены программ связан с «вирусом», но не есть ли идеология другим названием для программного человеческого вируса? С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека»* [12].

Манн считал, что при помощи подобного программирования можно либо отложить создание критического состояния, либо поощрить его и направить развитие системы в нужное русло. При этом *«в действительности, сознаем это или нет, мы уже принимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, кода развиваем средства массовой информации через частный сектор»* [11].

Следует заметить, что С. Манн не имел ни математического, ни физического образования, а являлся специалистом по английской классической литературе. Затем он перешел на дипломатическую работу и был близок к Пентагону. Впервые его прикладная концепция была обнародована спустя два года после опубликования первых работ по «мягкой силе» под названием «Теория хаоса и стратегическая мысль» в 1992 г. в журнале военного колледжа армии США.

В своих статьях, посвященных прикладным аспектам теории хаоса, Манн обосновывал новую пентагоновскую стратегию, связанную с крахом Советского Союза. Эта стратегия впервые была опубликована в марте 1992 г. и утверждена президентом Дж. Бушем-старшим. Она предполагала, что первая и главная ее цель состоит в том, чтобы *«предотвратить повторное появление любой новой сверхдержавы на территории бывшего Советского Союза или в каком-либо другом месте. Цель состоит в том, чтобы Соединенные Штаты Америки никогда впредь не сталкивались с угрозой, сравнимой с Советским Союзом. Это является главным фактором, лежащим в основе новых глобальных и региональных стратегий, которые должны обеспечить условия, предотвращающие доминирование любой враждебной силы в регионах, ресурсы которых достаточны для создания в перспективе новой глобальной власти. К таким регионам относятся Западная Европа, Восточная Азия, территории бывшего Советского Союза и Юго-Восточной Азии»* [8].

В последнее время эффективным методом реализации стратегии «мягкой силы» стала концепция «цветных революций», базировавшаяся в первую очередь на комплексе работ Дж. Шарпа. Фактически, Шарп поставил перед собой задачу обобщить, классифицировать и привязать к конкретным ситуациям все наблюдавшиеся в современной истории методы ненасильственных действий по смене действующих режимов. В своей работе «Власть и борьба. Политика ненасильственных действий, часть 1» (*Power and Struggle. Politics of Nonviolent Action, Part I*), изданной еще в 1973 г., он классифицировал 198 методов ненасильственного протеста и убеждения [24]. Сегодня хорошо известны примеры «цветных революций» и роль западных внешнеполитических и разведывательных ведомств в их подготовке и практическом осуществлении, однако в настоящее время революционное конструирование Дж. Шарпа стало предметом критического переосмысления.

Летом 2013 г. в учебном центре по подготовке специалистов по «цветным революциям» – Флетчеровской школе университета Тафта (США) совместно с ведущим центром по разработке методов сопротивления власти – международным центром по ненасильственным конфликтам (ICNC) в полузакрытом режиме была проведена большая конференция «Ненасильственное сопротивление: вчера, сегодня, завтра». На этой встрече живо обсуждался доклад М. Стефан и Э. Ченовез, который представлял собой изложение результатов статистического исследования всех гражданских конфликтов в мире за 1985–2013 гг. По итогам представленного анализа выяснилось, что движения гражданского сопротивления добились успеха в 55% зафиксированных случаев, в то время как военное противостояние власти имело успех только в 28%. Отсюда авторами был сделан вывод о том, что «гражданские ненасильственные кампании обеспечивают устойчивый переход к демократии в два раза чаще, чем вооруженное противостояние с властью».

Однако наряду с этим вполне логичным выводом на конференции выяснилось, что в течение последних 15 лет наибольшую эффективность показали комплексные стратегии, которые имели успех почти в 70% случаев. К таким стратегиям относились гражданские ненасильственные кампании, сопровождавшиеся либо угрозой силового противостояния с властью, либо точечными конкретными вооруженными акциями. Как результат – решение о необходимости разработки теории, а главное, детального практического инструментария для организации гибридного гражданского сопротивления, включающего как ненасильственные методы, так и целевые вооруженные акции или угрозы применения силы против власти. Примером практической отработки подобных технологий стали украинские события весны 2014 г. Кроме того, на конференции было рекомендовано повысить эффективность гражданских ненасильственных кампаний за счет широкого использования новых информационных технологий, обеспечивающих улучшение координации, информирования и обеспечения совместных действий «гражданского сопротивления».

Безусловно, заслуживает внимания и еще одна американская разработка – стратегия, предполагающая использование жесткого сценария и впервые предложенная одним из разработчиков теории сетецентричных войн Дж. Уордоном. Данная стратегия получила название *effects-bases operations* (т.е. операции, основанные на эффектах или на «базе эффектов» – ОБЭ). Суть ее заключается в том, что осуществление агрессии в отношении какого-либо государства производится не извне, т.е. не против вооруженных сил «лобовым образом», а более эффективной признается концепция ведения войны «изнутри наружу». При этом методы ОБЭ определяются как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны» [25]. Иными словами, ОБЭ – это такое качественное влияние на среду, при котором участникам прямым образом ничего не навязывается, но при этом они делают то, чего хотят сетевики, выстраивающие такую модель управления.

В понимании сегодняшних претендентов на глобальное лидерство за скромной аббревиатурой ОБЭ стоит план прямого планетарного контроля, глобального господства нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты сами по себе, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т.д. Это проект глобальной манипуляции и тотального контроля в мировом масштабе, что видно уже из его определения. Глобальной задачей такой «операции» является формирование структуры поведения не только друзей, но и нейтральных сил и даже врагов, т.е. и враги, и занимающие нейтральную позицию силы, по сути, заведомо подчиняются навязанному сценарию, действуют не по своей воле, но по воле тех, кто осуществляет ОБЭ, т.е. США. Если враги, друзья и нейтральные силы в любом случае делают именно то, чего хотят от них американцы, то они превращаются в управляемых (манипулируемых) марионеток еще до того, как следует окончательное поражение. Это выигрыш битвы до ее начала. Цель сетевых войн – абсолютный контроль над всеми участниками исторического процесса, и здесь необязательна прямая оккупация, массовый ввод войск или захват территорий. Армейские действия и собственно военные затраты излишни. Сеть – более гибкое оружие, она манипулирует насилием и военной силой только в крайних случаях, и основные результаты достигаются в контекстуальном влиянии на широкую совокупность факторов – информационных, экономических, социальных, когнитивных и т.д. Фактически, как считают специалисты, появилась возможность разрушения основ государственности, решения военно-политических задач по смене правящего в стране режима не за счет уничтожения вооруженных сил и экономики этой страны, а за счет воздействий на морально-психологическое состояние ее руководства и населения [7].

Кроме того, сеть представляет собой новое пространство – информационное, в котором и развертываются основные стратегические операции как разведывательного, так и военного характера, а главное – политические и экономические, включая также их медийное, дипломатическое и техническое обеспечение. В таком понимании сеть включает в себя различные составляющие, которые ранее рассматривались строго раздельно. Боевые платформы, системы связи, информационное обеспечение операций, формирование общественного мнения, гражданские и политические институты, дипломатические шаги, экономическая политика, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, военно- экономическое и военно-техническое обеспечение, академическая наука, технические инновации и т.д. – все это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой «институциональной сети», подчиненной интересам агрессора [2].

Таким образом, американские элиты и наднациональные глобалистские сети совершенно серьезно заняты разработкой принципиально новых действенных институциональных инструментов эффективного и, по возможности, экономичного решения проблем устранения геополитических противников и достижения полного глобального господства в мире.

5. Главная цель, ради которой государственная машина США реализует глобальную стратегию, провоцируя нестабильность в мире, – это сохранение мирового доминирования в условиях геополитических структурных изменений, обусловленных сменой технологических укладов, снижением их экономического влияния в мире. Исследования показывают, что в периоды глобальных технологических сдвигов наиболее развитым странам трудно сохранить лидерство, так как на волне роста нового технологического уклада вперед могут вырываться развивающиеся страны, преуспевшие в подготовке предпосылок его становления. В отличие от передовых стран, сталкивающихся с кризисом перенакопления капитала в устаревших производствах, у них есть возможность избежать массового обесценивания капитала и сконцентрировать его на прорывных направлениях роста. Отсюда необходимость жесткого экономического, в первую очередь финансового, контроля за региональным развитием, своевременной реакции на угрозы позициям США, объявивших себя исключительной нацией, выполняющей исключительную роль в мире.

Именно поэтому до 2016 г. США должны реализовать две главные глобалистские задачи. Речь идет о создании трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства и транстихоокеанского торгового партнерства. В трансатлантическое партнерство должны войти США, Мексика, Канада, страны НАФТА и ЕС. Соответственно, в транстихоокеанское партнерство, как предполагается, войдут все те же страны НАФТА, несколько стран Латинской Америки, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия и еще ряд стран Южной и Юго-Восточной Азии. Задача этих партнерств заключается в следующем: они призваны унифицировать различного рода торговые правила, технические и иные регламенты и другие нормативные документы, связанные с ведением бизнеса, использованием информации и т.п. Вместе с отсутствием каких-либо формальных или экономических барьеров формирование этих партнерств должно образовать своего рода огромную единую технологическую, производственную, финансово-экономическую и, в значительной степени, политическую зону. Для реализации именно этой задачи, в которой максимально заинтересованы все крупнейшие корпорации, доктрина «умной силы» с акцентом на коллективные действия, использование активистских групп и наличие единой неолиберальной идеологии, подходит как никакая другая. При этом на все другие международные события последних лет, включая события на Ближнем Востоке, Украине, в Южной Азии и т.п., верхушка мировой наднациональной элиты смотрит именно с позиции их использования для снятия препятствий и ускорения процессов подписания соответствующих соглашений, которые намечены на 2015 г. А это означает, что американское внешнеполитическое ведомство реализует не столько национальные интересы, сколько обслуживает глобальную иерархическую сетевую структуру, в основе которой находится кластер крупнейших финансовых институтов и транснациональных корпораций.

Однако на пути атлантического партнерства встали (неожиданно для США) неэффективные санкции против России, которые должны были одновременно решить две задачи. Первая заключалась в том, чтобы отвернуть от России Европу и занять место главного экономического партнера ЕС, усилив зависимость европейцев от американского капитала. Вторая задача сводилась к тому, чтобы ослабить Россию и Старый Свет, обеспечив себе заведомое конкурентное преимущество и ре-

гиональное господство. В то же время на саммите АТЭС в Пекине на пути американского плана возник китайский вариант тихоокеанского партнерства, который в итоге и нашел поддержку у участников встречи. Иными словами, с помощью «мягкой силы» США пока так и не смогли достичь своих глобальных целей.

Резонно предположить, что завоевание и удержание лидерства передовыми странами вынуждает их прибегать к силовым приемам во внешней и экономической политике, что неминуемо способствует резкому обострению военно-политической напряженности, повышает риск международных конфликтов. Таков трагический опыт двух предыдущих структурных кризисов мировой экономики. Великая депрессия 1930-х гг., обусловленная достижением пределов роста доминировавшего в начале прошлого века технологического уклада, была преодолена во многом за счет милитаризации экономики, которая вылилась в катастрофу Второй мировой войны. Последняя, в свою очередь, не только стимулировала структурную перестройку экономики широким использованием двигателя внутреннего сгорания и органической химии, но и повлекла кардинальное изменение всего мироустройства (разрушение тогдашнего ядра мировой экономической системы – европейских колониальных империй) и формирование двух противоборствующих геополитических социально-экономических систем.

Послевоенное мировое лидерство американского капитализма в выходе на новую, длинную волну экономического роста было обеспечено не только чрезвычайным ростом оборонных заказов на освоение новых технологий и притоком мировых капиталов в США при разрушении производственного потенциала и обесценении капитала основных конкурентов, но и созданной передовой научно-технической и промышленной базой – результатом экономической победы во Второй мировой войне. Депрессия середины 1970-х – начала 1980-х гг. инициировала гонку вооружений в ракетно-космической сфере с широким использованием информационных технологий, составивших ядро нового технологического уклада. Инспирированный вслед за этим коллапс мировой системы социализма, не сумевшей своевременно перевести экономику на новый технологический уклад, позволил ведущим капиталистическим странам воспользоваться ресурсами бывших социалистических стран для выгодного использования новой длинной волны экономического роста. Бегство капитала и утечка умов из бывших социалистических стран, колонизация их экономик облегчили структурную перестройку экономики стран ядра мировой капиталистической системы, до этого стимулировавших становление нового технологического уклада путем переноса гонки вооружений в космос.

Эта же волна роста подняла новые индустриальные страны, сумевшие заблаговременно создать ключевые производства и заложить предпосылки для своего быстрого роста. Однако США и здесь не упустили своего шанса, поскольку политическим результатом стала либеральная глобализация с доминированием США в качестве эмитента основной мировой резервной валюты.

Какие же выводы можно сделать из приведенного институционального анализа, и зачем он вообще проводился?

1. Выявлены реальные движущие силы столь высокоразвитого общества. Они представлены правящей верхушкой корпократического государства, с ее абсолютно варварскими интересами и целями, которая высокомерно полагает, что ввиду своей исключительности может править миром как хочет.

2. В условиях постмодерна при господстве монополистического капитала эволюция институций и институтов будет все более подчинять общество его интересам благодаря кумулятивному эффекту и эффекту институциональной регрессии.

3. Институциональное «препарирование» исследуемой социально-экономической системы и сложившейся благодаря ее действиям ситуации в мире позволяет констатировать следующее. Причиной глобального кризиса и депрессии, охвативших ведущие страны мира в последние годы, стало исчерпание потенциала роста доминирующего технологического уклада. Выход из этого кризиса должен произойти на волне роста нового технологического уклада, в основе которого лежит комплекс нано- и биотехнологий. И хотя сфера применения этих технологий не связана напрямую с производством военной техники, гонка вооружений и увеличение военных расходов привычным образом станут едва ли не главным инструментом государственного стимулирования перехода к новому технологическому укладу.

Кроме того, крайне консервативная идеология правящих кругов США и их союзников по НАТО из всех радикальных вариантов реанимации расширенного воспроизводства в стране предпочитает увеличение расходов на оборону. Именно поэтому, сталкиваясь с необходимостью использования го-

сударственного спроса для стимулирования роста нового технологического уклада, милитаристские круги прибегают к эскалации военно-политической напряженности там, где вдруг оказываются в опасности «национальные интересы США», а значит, необходимым становится увеличение государственных закупок передовой военной техники. В этом одна из основных причин раскрутки Вашингтоном маховика войны на Украине, которая, безусловно, является не целью, а инструментом для реализации глобальной задачи сохранения лидирующего влияния США в мире. Нельзя также забывать о том, что в настоящее время происходит переход к новому вековому циклу накопления капитала, который еще более усугубит риски развязывания войн и военных конфликтов.

4. В третьем тысячелетии развитие человечества требует новых форм организации глобальной экономики, которые позволили бы обеспечить устойчивое развитие и отражение планетарных угроз, включая социально-экономические, экологические и космические. Однако в условиях либеральной глобализации, выстроенной под интересы транснациональных (в основном англо-американских) корпораций, эти вызовы существованию человечества остаются без ответа. Остро возникающая необходимость обуздания мировой олигархии и упорядочивания движения мирового капитала заставляет обратиться, например, к восточно-азиатской модели организации современной экономики.

Устойчивый экономический рост в Юго-Восточной Азии, подъем Китая, Индии и Вьетнама вслед за Японией и Южной Кореей заставил многих исследователей заговорить о переходе от англо-американского к азиатскому вековому циклу накопления капитала. Осенью 2008 г. разразился мировой экономический кризис, решать проблемы которого в рамках однополярного мира и старого ядра Pax Americana было уже невозможно. Именно поэтому сразу после начала мирового кризиса был созван антикризисный саммит «большой двадцатки» (G-20) в Вашингтоне. При этом в G-20 страны периферии оказались в меньшинстве, в то время как США и страны ядра американского цикла продолжали навязывать остальным свою волю, фактически препятствуя переходу к новой парадигме мирового развития. Аналитик банка «Голдман Сакс» Дж. О'Нил к десятилетнему юбилею сообщества БРИК опубликовал свой новый прогноз, в котором показал, что центр тяжести мирового потребления должен переместиться из стран – членов G-7 в страны БРИКС, доля которых к 2020 г. вырастет с 23 до 62% мирового потребления, а «средний класс» мира к 2030 г. составит 5,2 млрд чел., из которых в БРИКС будет проживать 52%, а в G-7 – только 15% [14].

Становится ясно, что в условиях англо-американского цикла накопления капитала этого достичь будет невозможно, поскольку неэквивалентная торговля и финансовая гегемония стран ядра перераспределяет мировые финансовые потоки в интересах стран – членов G-7. По этой причине те же США, создавая менее 20% мирового валового продукта, потребляют более 35%, в то время как страны периферии его недопотребляют. В мировой экономике возникла патовая ситуация: финансовый капитал благодаря неэквивалентному обмену между странами ядра и периферии сконцентрировал в странах G-7 огромные финансовые ресурсы, надувающие «финансовые пузыри» на западных биржах, которые вот-вот лопнут, обесценив этот капитал. В то же время в странах периферии Pax Americana сконцентрирован огромный потребительский спрос, который не удовлетворен из-за низкой платежеспособности населения. В результате наблюдается, с одной стороны, мировой кризис перепроизводства, а с другой – кризис неудовлетворенного спроса.

В 2015 г. в России будет проведен очередной саммит БРИКС совместно со странами – членами ШОС. Таким образом, страны БРИКС, выступая в качестве ядра азиатского цикла накопления капитала, концентрируют вокруг себя будущую периферию. Настоятельным требованием времени является переход от однополярного к многополярному мироустройству, когда проамериканская модель мирового хозяйства распадется на несколько валютных зон и, судя по всему, страны БРИКС вполне могли бы стать лидерами этих валютных зон, а страны периферии могли бы свободно выбирать, в какую из валютных зон им выгоднее войти.

Учитывая охарактеризованные выше глобальные изменения, становится понятно, что борьба за мировое лидерство разворачивается между США, Россией и Китаем, в которой США для сохранения своего доминирования разыгрывают привычный для них сценарий развязывания военного конфликта в Европе, пытаясь в очередной раз за ее счет упрочить свое положение в мире. Для этого они используют старый английский геополитический принцип «разделяй и властвуй», воскрешая подсознательную русофобию политических элит европейских стран и делая ставку на традиционный для них «священный поход» на восток. При этом,

следуя заветам Бисмарка и советам З. Бжезинского, в качестве главной линии раскола они используют Украину, рассчитывая, с одной стороны, на ослабление и болезненную реакцию России, а с другой – на консолидацию европейских государств в их давнем стремлении к «освоению» украинских земель.

5. И все же нельзя не отдать должного США: расчет американских геополитиков был точен[33], а действия – практически безошибочны: с сентября 2013 г. по февраль 2014 г. они сумели, не вводя войск, фактически подчинить Украину своей воле, инициировать и скоординировать русофобскую пропаганду в странах ЕС. И при этом фактически уже окупили за счет присвоения части украинских активов 1,5 млрд долл., потраченных на организацию госпереворота и приведение к власти своего марионеточного правительства с относительной легитимизацией своего агента в качестве президента Украины. Под своим контролем провели выборы в Верховную Раду, также создав имитацию законно избранной законодательной власти, готовой выполнять их стратегические замыслы даже ценой истребления собственного народа.

Россия сумела спасти от американской оккупации только Крым, а борющийся за независимость от Киева Донбасс, скорее всего, станет зоной затяжного гражданского вооруженного конфликта. Россию, как представляется американским стратегам, они заманили в политический капкан: участие российской армии в освобождении Донбасса гарантирует втягивание в конфликт против России ЕС, НАТО и означает фактически начало мировой войны. Неприменение силы повлечет создание разрастающейся националистической воронки в центре Европы, которая уже интернационализируется, становясь очагом дестабилизации и для нашей страны. Развертывание региональной, а возможно, и мировой войны на выгодных для США условиях может стать не гипотетической, а вполне реальной опасностью.

При этом Россия, по их мнению, безусловно, обречена на тяжелое поражение вследствие уже состоявшейся потери Украины, а также консолидации всех развитых стран мира, включая наряду с союзниками по НАТО, Японию и Южную Корею. Поражение России должно повлечь возвращение ее под американский контроль, как это было при Б. Ельцине, а ослабление Европы – полное экономическое подчинение последней посредством формирования вожделенной трансатлантической зоны свободной торговли на американских условиях. Тем самым Вашингтон надеется укрепить свое положение и сохранить мировое господство. Однако в этой циничной логике есть просчет: действуя на основе ошибочных, устаревших представлений о европейской геополитике, американцы умудрились воскресить на националистической почве крайнюю форму нацизма – фашизм, который Западная Европа, уже пережившая этот ад, рано или поздно распознает и вряд ли будет дальше его приветствовать и поддерживать.

6. Наднациональные бизнес-элиты, подчинившие себе американское государство в целях распространения своего доминирования на все регионы земного шара, всегда будут ориентированы на агрессивное противостояние любым попыткам независимой, самостоятельной экономической политики, а тем более – появлению потенциальных конкурентов. Переформатировав политическое сознание населения, манипулируя перераспределением части сверхдоходов для создания иллюзии «общества всеобщего благоденствия» при почти 14,3% американцев, живущих за чертой бедности [23], государственная машина США все больше превращается в имперский институт. В нем вовсю господствует цензура, практически всеми СМИ наращивается централизованно регулируемая антироссийская пропаганда, выборы осуществляются специальными выборщиками, а не всем народом, где любые всплески свободомыслия преследуются по закону как антиконституционные акты, где в тюрьмах находится 2,2 млн чел. [20], а на содержание тюрем тратится в 6 раз больше средств, чем на образование, где от подлинно демократических институтов остались только названия и лозунги.

Список литературы

1. *Борисов Е.Ф.* Экономическая теория: учебник. М.: Юрайт, 2005. 399 с.

2. *Горгола Е.В.* Национальная безопасность России в эпоху сетевых войн: монография. М.: РГСУ, 2014.

3. *Грицюк М.* Пятница станет выходным. Надо ли нам переходить на четырехдневную рабочую неделю. URL: http://rg.ru/2014/10/07/rabochaya-nedelya-site.html.

4. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002. 352 с.

[3] Достаточно вспомнить попавший в СМИ телефонный разговор помощника госсекретаря США В. Нуланд с американским послом в Киеве в середине февраля 2014 г., который был, по сути, подробным инструктажем: как действовать, на кого опираться, а кого вовсе игнорировать.

5. *Комков Н.И.* Технологические инновации – основа будущей экономики России. URL: http://invur.ru/index.php?page=inno&cat=analit&doc=tech_inno.

6. *Корчагин Ю.* Непроизводительная производительность. URL: http://4pera.ru/news/analytics/neproizvoditelnaya_proizvoditelnost.

7. *Кучерявый М.М.* Военная безопасность России: монография. Екатеринбург: Изд-во УГУ, 2010. 186 с.

8. *Ларина Е.* Взлет и падение «мягкой силы». URL: http://communitarian.ru/publikacii/bolshoy_blizhniy_vostok/vzlet_i_padenie_myagkoy_sily_30082014.

9. *Ларина Е.* Россия в тени войны и технологической революции. URL: http://regnum.ru/news/polit/1882689.html.

10. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч. Т. 27. М.: ИПЛ, 1970. С. 387.

11. *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: http://spkurdyumov.ru/what/mann.

12. *Най Дж.* Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 221 с.

13. *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3.

14. *О'Нил Дж.* Карта роста. Будущее стран БРИК и других развивающихся рынков. М.: Альпина Бизнес Букс, 2013. 256 с.

15. *Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст, 2012. 352 с.

16. *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб: Алетейя, 2002. 320 с.

17. Применение композиционных материалов в самолетах типа АН. URL: http://aviations-technology.ru/dvfu/primenenie-kompozicionnyx-materialov-v-samolyotax-tipa-an.

18. *Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. М.: ГУ ВШЭ, 2011. 384 с.

19. *Рокфеллер Д.* Банкир в XX веке. Мемуары. М.: Международные отношения, 2003. 564 с.

20. Сядут все. США стали страной с наибольшим количеством заключенных. URL: http://korrespondent.net/world/1591109-korrespondent-syadut-vse-ssha-stali-stranoj-s-naibolshim-kolichestvom-zaklyuchennyh.

21. *Уильямсон О.* Поведенческие предпосылки современного экономического анализа. URL: http://markus.spb.ru/avtoritet/williamson.shtml.

22. Ум и сила. Хиллари Клинтон обнародовала внешнеполитический курс США при Обаме. URL: http://gazeta.ru/politics/2009/01/13_a_2923785.shtml.

23. Что такое бедность в США и Европе. URL: http://profi-forex.org/novosti-mira/novosti_ameriki/usa/entry1008065623.html.

24. *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. URL: http://aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf.

25. *Edward A., Smith J.* Effects based Operations. Applying Network centric Warfare in Peace, Crisis and War, Washington, DC: DoD CCRP, 2002.

26. Employment Situation Summary. Economic News Release, April 2014. URL: http://bls.gov/schedule/news_release/2014_sched.htm.

27. *Wullweber J., Scherrer C.* Postmodern and Poststructural International Political Economy. URL: http://blackwellreference.com/public/tocnode?id=g9781444336597_yr2011_chunk_g978144433659716_ss1-25.

National Interests: Priorities and Security *Globalization*
ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

THE INSTITUTIONAL NATURE OF GLOBALIST INTENTIONS SEEN IN THE POST-MODERN SOCIETY (EXPERIENCE OF ANALYZING THE US POLITICAL AND MILITARY CONCEPTS: INSTITUTIONAL CONSIDERATIONS)

Evgenii V. GORGOLA

Abstract

Importance The USA strives to keep its leading geopolitical role at any price but benefiting at the expense of other countries, thus making the current political situation aggravated so that it almost pushed the world to the border of abyss. In this respect, to protect the national security of Russia, it is necessary to conduct a detailed analysis of economic, military, political risk and threat origination mechanisms, in particular, on the part of the USA, rather than specifying the entire combination of the said risks and threats.

Methods Based on the methodological framework of contemporary institutionalism, the article examines the substance, principal aspects and specifics of the postmodern society originating in the USA. The research discovers why the USA outperforms the other countries so much from technological, social and economic perspectives. I also analyze driving forces and the mechanism for establishing a corporatocratic State that generates an aggressive and globalist economic and political strategy, considering implications and consequences of the strategy.

Results Using the methods of an institutional analysis, I corroborate a hypothesis on that the USA, as the most economically advanced country of the world that had reached the postmodern (governmental and monopolistic) phase of the society, converted into a corporatocratic State. I demonstrate that the corporatocratic State represents a combination of economic (first of all, political power of the largest monopolies and supranational elites) and political powers of governmental officials, which are supported by the obedient army of mass media and public opinion they manipulate to make it serve globalist interests of the US powers that be.

Conclusions and Relevance If the corporatocratic United States strengthens domestically, it will lead to even higher profanation of the democratic principles and their actual substitution with totalitarian institutions, while, in foreign policy, the United States will regain the global power and leadership through their aggressive and globalist concepts.

Keywords: institutionalism, post-modern society, corporatocratic State, new technological mode, global leadership

References

1. Borisov E.F. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory]. Moscow, Yurait Publ., 2005, 399 p.
2. Gorgola E.V. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii v epokhu setevykh voin: monografiya* [The national security of Russia in the age of network-centric warfare: a monograph]. Moscow, Russian State Social University Publ., 2014.
3. Gritsyuk M. *Pyatnitsa stanet vykhodnym. Nado li nam perekhodit' na chetyrekhdnevnuyu rabochuyu nedelyu* [Friday will be a day off. Should we opt for a four-day working week?]. Available at: http://rg.ru/2014/10/07/rabochaya-nedelya-site.html. (In Russ.) (accessed 08.10.2014)
4. Keynes J.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow, Gelios ARV Publ., 2002, 352 p.
5. Komkov N.I. *Tekhnologicheskie innovatsii – osnova budushchei ekonomiki Rossii* [Technological innovations are the basis for the future economy of Russia]. Available at: http://invur.ru/index.php?page=inno&cat=analit&doc=tech_inno. (In Russ.)
6. Korchagin Yu. *Neproizvoditel'naya proizvoditel'nost'* [Unproductive productivity]. Available at: http://4pera.ru/news/analytics/neproizvoditelnaya_proizvoditelnost. (In Russ.)
7. Kucheryavyi M.M. *Voennaya bezopasnost' Rossii: monografiya* [Military security of Russia: a monograph]. Yekaterinburg, Ural State University Publ., 2010, 186 p.
8. Larina E. *Vzlet i padenie "myagkoi sily"* [Rise and fall of the 'soft power']. Available at: http://com-

munitarian.ru/publikacii/bolshoy_blizhniy_vostok/vzlet_i_padenie_myagkoy_sily_30082014. (In Russ.)

9. Larina E. *Rossiya v teni voiny i tekhnologicheskoi revolyutsii* [Russia in the shade of the war and technological revolution]. Available at: http://regnum.ru/news/polit/1882689.html. (In Russ.) (accessed 07.01.2015)

10. Lenin V.I. *Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma. Poln. sobr. soch.* [Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. Complete works]. Moscow, IPL Publ., 1970, vol. 27, p. 387.

11. Mann S. *Teoriya khaosa i strategicheskoe myshlenie* [Chaos Theory and Strategic Thought]. Available at: http://spkurdyumov.ru/what/mann. (In Russ.)

12. Nye J. *Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike* [Soft Power: The Means to Success in World Politics]. Moscow, Trend Publ., 2006, 221 p.

13. North D. Institutsional'nye izmeneniya: ramki analiza [Institutional Changes: a Framework of Analysis]. *Voprosy Economiki*, 1997, no. 3.

14. O'Neill J. *Karta rosta. Budushchee stran BRIK i drugikh razvivayushchikhsya rynkov* [The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICs and Beyond]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2013, 256 p.

15. Perkins J. *Ispoved' ekonomicheskogo ubiitsy* [Confessions of an Economic Hit Man]. Moscow, Pretekst Publ., 2012, 352 p.

16. Polányi K. *Velikaya transformatsiya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2002, 320 p.

17. *Primenenie kompozitsionnykh materialov v samoletakh tipa AN* [The use of composite materials in the Antonov aircraft]. Available at: http://aviations-technology.ru/dvfu/primenenie-kompozicionnyx-materialov-v-samolyotax-tipa-an. (In Russ.)

18. Reinert E.S. *Kak bogatye strany stali bogatymi i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Got Rich…and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2011, 384 p.

19. Rockefeller D. *Bankir v XX veke. Memuary* [Memoirs]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2003, 564 p.

20. *Syadut vse. SShA stali stranoi s naibol'shim kolichestvom zaklyuchennykh* [Everyone will be put in jail. The USA has become a country with the highest number of prisoners]. Available at: *http://korrespondent.net/world/1591109-korrespondent-syadut-vse-ssha-stali-stranoj-s-naibolshim-kolichestvom-zaklyuchennyh.* (In Russ.) (accessed 13.08.2013)

21. Williamson O. *Povedencheskie predposylki sovremennogo ekonomicheskogo analiza* [Behavioral assumptions]. Available at: http://markus.spb.ru/avtoritet/williamson.shtml. (In Russ.)

22. *Um i sila. Khillari Klinton obnarodovala vneshnepoliticheskii kurs SShA pri Obame* [Mind and strength. Hillary R. Clinton unveiled trends of the United States foreign policy under Barack Obama's rule]. Available at: http://gazeta.ru/politics/2009/01/13_a_2923785.shtml. (In Russ.) (accessed 13.01.2009)

23. *Chto takoe bednost' v SShA i Evrope* [What does poverty look like in the United States and Europe?]. Available at: http://profi-forex.org/novosti-mira/novosti_ameriki/usa/entry1008065623.html. (In Russ.)

24. Sharp G. *Ot diktatury k demokratii. Kontseptual'nye osnovy osvobozhdeniya* [From Dictatorship to Democracy. A Conceptual Framework for Liberation]. Available at: http://aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf. (In Russ.)

25. Edward A., Smith J. Effects Based Operations. Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis and War. Washington, DC, DoD CCRP, 2002.

26. Employment Situation Summary. Economic News Release, April 2014. Available at: http://bls.gov/schedule/news_release/2014_sched.htm.

27. Wullweber J., Scherrer C. Postmodern and Post-structural International Political Economy. Available at: http://blackwellreference.com/public/tocnode?id=g9781444336597_yr2011_chunk_g978144433659716_ss1-25.

Evgenii V. GORGOLA
Russian State Social University, Ivanteevka Branch, Ivanteevka, Moscow Region, Russian Federation
evg-gorgola @ya.ru